

Взрыв послужил лишь детонатором, подав дурной и опасный пример. Долго копившееся в обществе напряжение внезапно нашло брешь для выхода, и вся ярость, все застарелые обиды хлынули наружу. Мишенью для народного гнева стала Межзвездная ассоциация академий.

На просторах Сети лавиной посыпались обвинения, слухи и теории — от вполне резонных до совершенно абсурдных. О случившемся судачили даже в самых отдаленных звездных системах. И на фоне этой всеобщей травли Ассоциации начали всплывать другие, куда более острые вопросы. Обыватели принялись открыто сомневаться: а заслуживают ли омеги те огромные привилегии, которыми их так щедро осыпает государство?

Разумеется, умом все прекрасно понимали: омеги — ключевое звено в воспроизводстве альф. А ведь только уникальный организм альфы способен безболезненно переносить экстремальные нагрузки при освоении дальнего космоса и в бесконечных войнах. В рядах вооруженных сил, конечно, служили и беты, но когда дело доходило до по-настоящему жестких столкновений, министерству обороны приходилось тратить астрономические суммы на разработку сверхтехнологичных мехов, способных компенсировать физическую слабость беты. Так что немногочисленные пилоты-беты оставались лишь красивой витриной, символом равенства, но никак не хребтом регулярной армии. Если человечество хотело сохранить темпы экспансии, фертильность омег оставалась залогом выживания вида.

Однако природа сыграла с людьми злую шутку: даже при слиянии геномов омеги и альфы подавляющее большинство беременностей заканчивалось рождением новых альф. В итоге омеги превратились в редчайшее сокровище, в живой репродуктивный тотем, на который общество молилось с каким-то суеверным, почти первобытным благоговением.

Шли годы, и перечень поблажек для омег разрастался до пугающих масштабов. Им не приходилось участвовать в жестокой карьерной гонке, как это делали беты, пытаясь заработать на жизнь. Им не требовалось, подобно альфам, рисковать головой в горячих точках, чтобы заслужить статус полноценного гражданина. С самого первого вздоха они были окружены абсолютной заботой. Омеги вольно выбирали дело по душе, а если им не хотелось работать вовсе — государственное пособие обеспечивало им безбедное существование.

Сначала поблажки казались незначительными — мягкие приговоры за мелкие проступки. Дальше — больше: даже совершив тяжкое преступление и оказавшись за решеткой, омеги попадали в условия, напоминающие первоклассный санаторий, чему откровенно завидовали обычные граждане. И наконец, апогеем этой системы стал прецедент с Эрвином Германом. Человек, обвиненный в тягчайшем преступлении против человечности, удостоился амнистии просто по праву своего пола.

Разве это справедливо? Разве это честно?

Официальная пропаганда годами вдалбливала людям, что омеги от природы мягкие, безвредные и нежные создания, не способные причинить вреда. Но так ли это на самом деле?

Черта с два!

И уж точно так не считала Конрой Виктория — председатель Ассоциации содействия защите прав Омег.

Большинство людей наивно полагали, будто лучи современной цивилизации разогнали мрак в каждом уголке обитаемой Вселенной. Но лишь единицы знали правду: безжалостная тьма по-прежнему пряталась в тенях.

Редкий пол не гарантирует автоматической безопасности, а незащитный характер далеко не всегда вызывает жалость. На диких окраинах галактики именно омеги — безголосые из-за своей ничтожно малой численности — первыми падали в пасть этой бездонной темноты.

Стоило отлететь чуть дальше от холеного, сытого Титана, как тут же начинался криминальный ад с работорговлей и похищениями. В отдаленных созвездиях творились вещи куда более жуткие и кровавые. Да и так ли свободно омеги могут учиться и строить карьеру, как об этом заливают правительственные каналы? Сколько престижных кафедр и хлебных должностей закрывали перед ними двери под благовидными предложениями вроде «непредсказуемого периода течи» или «возможной беременности»?

Виктория спешно сорвалась из Делфта и вернулась в столицу. Она обязана была возвысить голос. Нельзя было допустить, чтобы ведомая слепой яростью толпа растоптала плоды ее многолетних трудов.

Президент Адамс отменил совещание в Министерстве энергетики специально ради этой встречи. Выслушав ее сбивчивый, эмоциональный монолог, он устало потер виски.

— Сейчас наша первоочередная задача — поймать Эрвина Германа, — вздохнул Адамс. — Не стоит делить шкуру неубитого зверя.

— Я полностью согласна с вами, господин Президент, — Виктория тихонько всхлипнула. — Но наш Комитет по правам Омег — это не государственное ведомство, а всего лишь общественная организация. Нам жизненно необходима ваша поддержка. Правительство должно направить гнев граждан в конструктивное русло, а не позволять им совершать безумства под шумок.

Она была чертовски хороша собой: тяжелые волны темных волос обрамляли лицо, а когда в глазах блеснули слезы, ее взгляд становился невероятно трогательным и незащитным. Нежная кожа, яркие губы и тонкие пальцы, судорожно сжимающие изящный платок, — весь ее облик буквально умолял о защите. Мало кто из мужчин мог устоять перед этим зрелищем; собеседники обычно мгновенно проникались ее эмоциями и были готовы потакать любым капризам.

Но на прожженного политика Адамса эти чары не действовали. Выслушав ее тираду, он лишь мысленно усмехнулся.

«Надо же, а она, оказывается, помнит, что ее контора — всего лишь общественная

организация... — иронично подумал он. — А я-то грешным делом решил, будто она возомнила себя владычицей Вселенной».

— Понимаю, — мягко произнес Адамс, симулируя сочувствие. — Госпожа Виктория, прошу вас, доверьтесь правительству. Нам просто нужно немного времени, хорошо?

— Разумеется! — Виктория промокнула уголки глаз платком. — Спасибо вам, господин Адамс. Меньше всего мне хотелось бы, чтобы эта грязная история бросила тень на всех омег. Некоторые нападки в Сети просто переходят все границы! Но я знаю, что вы искренне заботитесь о нас. Омеги ведь такие хрупкие, ранимые существа... Нам так необходимо мужское плечо и понимание!

Адамс не стал спорить. Он лишь понимающе улыбнулся и ободряюще кивнул.

Интересно, что бы сказал лейтенант Герс Шлиффен, услышь он этот сентиментальный лепет?

Эрвин — ранимый и чуткий?

Да у любого, кто знал этого чертова гения, от подобных слов разболелась бы голова. Тот был кем угодно, но только не беззащитным цветочком.

На планете SWEEPS-98167 как раз бушевал приливной день. Из-за мощных гравитационных колебаний Шлиффен к своему восторгу обнаружил, что на этой Богом забытой каменной глыбе водится не только чахлая растительность, но и вполне живая фауна.

Местная живность оказалась на редкость милой: крошечные ползающие существа, сплошь покрытые пушистыми бурыми перьями. Круглые, как шарики, тельца и огромные доверчивые глазища делали их похожими на игрушечных совят. В приливные дни у них начинался брачный сезон, и эти создания массово выползали из своих глубоких подземных нор на поисках пары.

По мере того как гравитационная буря набирала силу, пушистых созданий вокруг становилось все больше. В конце концов парочка самых прытких умудрилась просочиться прямо в жилой блок через щели в обшивке.

— В кладовой есть саперная лопатка, — ровным голосом скомандовал Эрвин. — Возьми ее и пришиби тех, что заползли внутрь.

Ну какой нормальный человек при виде этих очаровательных крох вообще додумается до живодерства?!

— Дело в том, что у них аллергия на металлический пол, — неохотно пояснил Эрвин. — Стоит им коснуться обшивки, как они начинают паниковать и...

И выделять удушливый, невероятно вонючий секрет.

Но предупреждение запоздало. Воздух в отсеке мгновенно пропитался едким, кислым амбре.

Впрочем, от парочки малышей аммиачный дух был еще терпимым. Проявив истинно армейское терпение, Шлиффен устроился у входа и принялся аккуратно отлавливать сбившихся с пути пушистиков, бережно выставляя их за дверь.

— Их брачные игры затянутся часов на десять, не меньше! — донесся из глубины комнаты недовольный голос Эрвина. — Размажь парочку лопатой прямо на пороге — их сородичи почуют запах смерти и близко не сунутся!

— Да имей ты хоть каплю сострадания! — фыркнул Шлиффен, уворачиваясь от очередного бока вонючей гусеницы. — Они же абсолютно безвредные. Ты все-таки омега, мог бы хоть ради приличия проявить капельку нежности к беззащитным тварям!

Пока он препирался, одна из вонючих гусениц, уютно устроившись на его ладони, умудрилась отложить крошечное, глянцевое розовое яичко. Выглядело это до неприличия трогательно.

Согласно общественным стереотипам, именно омеги должны были исходить восторженным писком при виде подобных милых чудес. Однако в их суровой реальности умиленно ворковать принялся здоровенный альфа.

«Какая нелепая, абсурдная жизнь», — обреченно подумал Эрвин, наблюдая за этой сценой.

Наивные кремниевые создания не ведали о жестоких помыслах углеродных хищников. Сметливые вонючие гусеницы продолжали упорно лезть на тепло, скапливаясь у ног Шлиффена пушистым живым ковром.

— Хей, посмотри! Вот этот малыш мне подмигивает! Ну какая прелесть! Хочешь, принесу его поближе, рассмотрим получше?

— Даже не думай, — глухо отозвался Эрвин. — Я гнию на этой станции уже несколько лет и налюбовался на эту мерзость на всю оставшуюся жизнь.

Шлиффен откровенно проигнорировал его ворчание. Зажав в ладонях шевелящийся пернатый шарик, он бодро зашагал вглубь отсека. Пушистик, почувствовав внимание, радостно взъерошил перышки и от избытка чувств выпустил прямо в лицо Эрвину концентрированное облако кислой воню.

«М-да... Вонючий аромат животной страсти, — поморщился Эрвин, задерживая дыхание. — Господи, как же хочется его придушить».

— Посмотрел, оценил. Теперь неси это химическое оружие обратно на улицу, — буркнул Эрвин самым пренебрежительным тоном. — И учти: если ты когда-нибудь сдохнешь на этой планете, эти «милые крошки» обглодают твои кости и сошьют в твоей грудной клетке гнездо.

— Да брось ты, сказки все это! Я своими глазами видел их гнезда — они строят их исключительно из мелкой гальки, — беззаботно отмахнулся лейтенант. — Ну все, беги на волю, бедолага. И под колеса не лезь, а то господин Герман переедет тебя своей коляской и глазом не моргнет.

— Все, внешнюю панель я заблокировал, так что лазейка закрыта, — доложил Шлиффен. Подошло время плановой разминки суставов, и лейтенант принялся деловито закатывать рукава форменной рубашки.

— Внешняя панель тоже металлическая! — раздраженно огрызнулся Эрвин, отчаянно крутя колеса коляски в попытке увернуться от его рук. — Они облепят ее с той стороны и начнут испускать миазмы прямо в вентиляцию! И вообще, марш в ванную! Живо руки мыть!

Шлиффену пришлось подчиниться и покорно ретироваться к раковине. Ополаскивая ладони, он не удержался от шпильки:

— Да уж... Держу пари, в детстве у тебя совсем не было друзей с твоим-то скверным характером.

— Ошибаешься. Отношения со сверстниками у меня складывались прекрасно, — холодно отозвался ученый. — Просто в условиях Инкубационной фабрики омегам по умолчанию запрещено ковыряться в грязи и тискать сомнительную фауну.

— А это правда, что вы, омеги, такие хлипкие и постоянно болеете?

Эрвин даже на мгновение лишился дара речи от такой дремучести.

— И в каком же солидном научном трактате ты выкопал эту чушь? — изогнул он бровь.

— Да сдались мне твои трактаты, об этом вообще-то все знают! — хмыкнул Шлиффен, возвращаясь в комнату. — В народе говорят, вас нужно содержать исключительно в стерильных условиях, под стеклянным колпаком. Чуть сквозняк — и пиши пропало, сразу в реанимацию. Парни в казармах болтали: если какому-то альфе везет отхватить себе омегу с высокой совместимостью, ему перед свадьбой приходится три месяца зубрить основы паллиативного ухода. Мы-то, альфы, народ неотесанный, привыкли жить в грязи и спать на голой земле, а вы же буквально хрустальные.

— Признаться, идиотские предрассудки этого общества порой утомляют даже меня, — вздохнул Эрвин. Ему невольно вспомнилось, как на его родной планете, еще до того, как он

перебрался в метрополию, для омег выделяли специальные изолированные вагоны в общественном транспорте. Словно стоило им соприкоснуться со свежим воздухом, которым дышали беты, как они тут же должны были замертво свалиться от неизвестной заразы.

Шлиффен подошел ближе, аккуратно взял его за руку и принялся закатывать широкий рукав домашней куртки.

— Ну, если объективно, по комплекции ты примерно как я в мои пятнадцать лет. И уж точно выглядишь покрепче среднестатистической беты-женщины. Ты из каких-то особо крупных омег, да?

— Я совершенно нормального телосложения, спасибо за заботу, — сухо отозвался Эрвин. — Самый обычный человек со средними физическими показателями.

— Зато я среди своих — парень видный, — Шлиффен с мальчишеской гордостью продемонстрировал рельефное предплечье. — А вот маршал Йоханнес Зект — тот вообще форменный великан. Настоящая гора мышц.

— У нас шла вполне приличная беседа. Зачем портить ее упоминанием этого субъекта? — поморщился Эрвин.

— Ты его прямо-таки люто ненавидишь, да? — Шлиффен с любопытством взглянул на него.

— Еще бы, ведь этот солдафон спал и видел, как бы вставить мне палки в колеса!

В бытность их службы в Фамагусте Эрвин буквально дневал и ночевал в сборочном ангаре, контролируя каждый шаг отладки Модели Ноль. Он трудился на износ, порой забывая даже о еде. И в этот самый момент высокопоставленный вояка — маршал, у которого за душой не было даже приличного технического образования, полный профан в квантовой инженерии — завел моду трижды в день являться с проверками. Он лез со своими идиотскими советами, требовал отчетов и сыпал нелепыми приказами. И ладно бы только это! Этот солдафон бесцеремонно вламывался на их закрытые планерки, брал слово и нес откровенную чушь, под которую запуганные военные специалисты послушно аплодировали. Каждое появление маршала превращало жизнь ученого в сущий ад и выжимало из него все соки.

Выслушав эту яростную тираду, Шлиффен вместо сочувствия лишь лукаво прищурился.

— Послушай, если альфа постоянно крутится рядом, лезет со своими расспросами и всеми силами пытается... ну, скажем так, обратить на себя твое внимание... Это может означать только одно: ты ему чертовски нравишься.

Эрвина буквально передернуло от отвращения.

— Что за дикую чушь ты несешь? Твои армейские мозги явно повернули не в ту степь. Он — маршал вооруженных сил. В картотеке Комитета по правам Омег очередь из элитных кандидатов на сопряжение с ним растянулась на парсеки вперед.

— Мое дело предложить гипотезу, а верить или нет — решай сам, — Шлиффен беззаботно пожал плечами и откупорил флакон. — Я тут на складе раздобыл неплохую мазь для суставов. У тебя пальцы совсем покраснели, судя по всему, опять началось воспаление. Давай разомну, станет легче.

— Если бы передо мной стоял выбор: провести вечность с этим неотесанным солдафоном или с вонючими пушистиком за дверью, я бы, не задумываясь, выбрал последних, — проворчал Эрвин, послушно протягивая руки для массажа.

— На самом деле, если ты всерьез хочешь отвязаться от настырного альфы, самый верный способ...

— Это холодно и решительно сказать ему «нет», не оставляя ни малейшего шанса на взаимность! — безапелляционно перебил его ученый.

— Да ничего подобного! Боже, у вас, омег, в головах полная каша! — Шлиффен смешливо взмахнул пластиковым флаконом. — Ты хоть понимаешь, почему альфа так тянет кусаться и доминировать? Да потому что отчаянное сопротивление омеги лишь сильнее разжигает в нас инстинкт хищника! Если тебе кто-то до смерти противен, лучший способ от него избавиться — стать шелковым и беспрекословно подчиняться. Уверю, он очень быстро потеряет к тебе всякий интерес от скуки.

— Шлиффен, — негромко позвал Эрвин.

— А?

— Ты рассуждаешь с таким пафосом, будто за плечами у тебя бурное романтическое прошлое, — Эрвин скептически изогнул бровь. — Хотя на самом деле все твои глубокие познания в психологии почерпнуты из дешевого порно.

Шлиффен мгновенно вспыхнул до самых ушей, густая краска залила его шею.

— Т-ты... ты что такое говоришь?! — заикнулся он.

— А что в этом удивительного? Я ведь не родился сразу стошестнадцатилетним старцем.

— Омеги... тоже смотрят... порно?! — у Шлиффена от шока даже челюсть отвисла, а слова начали застревать в горле.

— Пусть у меня самого никогда не возникало желания тратить время на глупые романы, но мои женатые коллеги частенько жаловались: реальный брак не имеет абсолютно ничего общего с глянцевыми картинками на экранах... — Эрвин хладнокровно пожал плечами. — И кстати, дорогой мой лейтенант Шлиффен, концентрация сероводорода в воздухе превышает все допустимые нормы. Сделай одолжение, прерви свой психоанализ и очисти уже шлюзовую дверь от этих любвеобильных пушистиков.

Потерпевший полное крушение идеалов лейтенант, переваривая услышанное, молча поплелся на улицу разгонять любвеобильную фауну. Эрвин остался лежать на мягком покрытии пола в ожидании его возвращения. Глядя в потолок, он вдруг поймал себя на мысли: с какой стати их разговор вообще свернул на столь интимную тему? Неужели виной всему успокоительное для Альф, благодаря которому запах лейтенанта перестал казаться агрессивным и удушающим? Или за эти дни совместного вынужденного затворничества они действительно умудрились настолько сблизиться?

«Странно все это», — промелькнуло в голове ученого.

Пока он предавался этим сумбурным размышлениям, одна особо пронырливая вонючая гусеница умудрилась обойти кордоны Шлиффена и проникнуть внутрь жилого отсека. Смешно переваливаясь с боку на бок, зверек целеустремленно засеменял прямо к лежащему Эрвину, восторженно хлопая огромными круглыми глазами.

«О нет, только не это!» — мысленно взмолился ученый.

Эрвин попытался откатиться в сторону, но парализованное тело предсказуемо отказалось подчиняться.

Бурый пернатый комочек радостно вскарабкался к нему на плечо и уютно устроился прямо возле незащитной шеи, нещадно щекоча чувствительную кожу мягким пухом.

— Эй! Шлиффен! Шлиффен, черт бы тебя побрал! — в панике позвал Эрвин.

Но лейтенант, увлеченно разгонявший непрошенных гостей снаружи, его не услышал.

— А ну пошел вон! Брысь! Сгинь, чудовище!

Разумеется, наивное кремниевое существо совершенно не умело считывать флюиды чистой ненависти, которые излучал в его адрес этот высокомерный представитель углеродных приматов. Кроха лишь преданно моргала своими огромными глазищами и восторженно топорщила мягкие перышки, выражая безграничную симпатию. Впрочем, соприкосновение с металлом все-таки вызвало у нее аллергический зуд: вонючая гусеница мелко-мелко задрожала всем тельцем и тут же выпустила в воздух свежую, концентрированную струю своего фирменного аммиачного амбре.

«Ладно... — уныло подумал Эрвин, обреченно зажмуриваясь. — Пожалуй, убивать его саперной лопаткой действительно было бы слишком жестоко».

<http://bllate.org/book/18311/1756277>